

Самосохранительное поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX–XX века)

В статье рассматриваются этнические особенности самосохранительного поведения у кумандинцев, тубаларов и челканцев. Источниковую базу исследования составляют полевые и архивные материалы. В отличие от современности в традиционном обществе здоровье человека обеспечивалось четким соблюдением традиционных норм и зависело от благосклонности духов. Обычаи и обряды имели во многом иррациональный характер. Распространение санитарно-гигиенических знаний, начавшееся с контактов с переселенцами и миссионерами, формирование сети медицинских учреждений в регионе в 1920–1940-е гг. и укрепление доверия к медицинским работникам привели к постепенной трансформации самосохранительного поведения.

Ключевые слова: *коренное население, Алтай, самосохранительное поведение.*

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Self-Preserving Behavior of the Indigenous Population from the Foothills of the Northern Altai (19th–20th Century)

The article examines ethnic features of self-preserving behavior among the Kumandins, Tubalars, and Chelkans. The study is based on field and archival materials. As opposed to modernity, human health in traditional societies was ensured by strict observance of traditional norms and depended on the benevolence of the spirits. Customs and rituals were largely irrational. Self-preserving behavior became transformed as a result of the spread of sanitary and hygienic knowledge, which started from the contacts with settlers and missionaries, organization of a network of medical institutions in the region in the 1920s–1940s, and building people's trust in health workers.

Keywords: *indigenous population, Altai, self-preserving behavior.*

Самосохранительное поведение, как и любое другое поведение, обусловлено этническими традициями. Под самосохранительным поведением понимается система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и prolongation жизни и обусловленных существующими традициями.

В данной публикации будет рассмотрено влияние этнического фактора на здоровьесберегающее поведение коренного населения предгорий Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев).

Источниковой базой для данной статьи стали полевые сведения, полученные автором в ходе этнографической поездки в 2008 г. и историко-этнографических экспедиций АлтГУ (МАЭ АлтГУ) в 2001–2004 гг. в с. Красногорское и с. Солтон Алтайского края и с. Турочак Республики Алтай, а также материалы Государственного архива Алтайского края.

В традиционной культуре самосохранительное поведение во многом регулировалось устоявшимися нормами, обычаями и обрядами, имеющими

рациональный и иррациональный характер. Значительное влияние оказывала предопределенность жизни этнофора, отражавшаяся на его здоровье-сберегающих действиях.

Так, уже при рождении повитуха по пуповине определяла, как долго будет жить новорожденный. Считалось, что малое количество крови указывает на недолгую жизнь. Обращались также к предсказателям (*курумчи*), гадавшим по руке (ПМА, 2008, с. Красногорское). По литературным свидетельствам будущее ребенка определял Кудай Ульгенъ еще при зачатии (*чаяннда чаянсан намыны киженг* – ‘на роду написано, кому сколько жить’). Судьбу (*irq, ульга*) новорожденного предсказывали в ходе камлания. Сообщались срок его жизни и те моменты, когда ему будет грозить смерть (*бом, пом* – букв.: скала, утес). Их (*бом, пом*) могло быть до девяти, но этих опасностей можно было избежать [Потапов, 1991, с. 149; Славнин, 1990, с. 134; Хильден, 2000, с. 90].

Автохтоны верили, что смерть наступала по решению божества подземного мира Эрлика. Душа доставлялась в преисподнюю, где над ней творился суд. Во избежание опасности Эрлику приносились жертвы [Потапов, 1991, с. 31, 54, 257; Сатлаев, 1974, с. 150–151, 163; Славнин, 1990, с. 134–135]; (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 6. Оп. 2. К. 24. Л. 2).

По традиционным представлениям, человек заболел из-за кражи его души злым духом или в случае, если душа оказывалась «заблудшей» и в человека вселялся нечистый дух. Для излечения требовалось вернуть душу, что мог осуществить только шаман (ПМА, 2008, с. Красногорское, Турачак).

Причиной смерти считались и действия враждебно настроенных к человеку духов, объединявшихся общим названием *кара тӧс*; среди них можно выделить *алвун/албан*, опасного для охотника; *кормес*, угрожавшего путнику у заброшенных жилищ; *суыны/суу иези*, забиравшего человека на дно водоема. Нарушение правил поведения наказывалось болезнью глаз, насылавшейся духом *тӧбӧне*, или болезнью груди и спины, исходящей от *чажылдай-аза* [Бельгибаев, 2005, с. 42–44; Сатлаев, 1974, с. 151].

Согласно сведениям Ф.А. Сатлаева [1974, с. 151], у кумандинцев существовали нечистые духи *кӱдербе-аза* и *кӱдертгиш-аза*, способные «зарыться» в ограде дома, что приводило к смерти членов семьи, а затем и рода в целом. Скорее всего, с этим представлением связана традиция, бытовавшая в прошлом, покидать жилище после захоронения своего родственника [Гельмерсен, 1840, с. 258]. У тубаларов подобные действия объяснялись тем, что нельзя было оскорблять место погребения (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 19).

Различные ограничения сопровождали совершение всех обрядов погребально-поминального цикла, обеспечивая локализацию несчастья (возможной эпидемии) в рамках отдельной семьи и сохранение общины. В то же время санитарно-гигиенические практики коренного населения оставались на низком уровне. Нарастание эпидемиологической угрозы было сопряжено с увеличением плотности (в том числе за счет переселенцев из Европейской части России) и миграционной активности населения.

Обычно члены семьи, в которой умирал домоходец, были ограничены в свободе передвижения по деревне, с наступлением сумерек не выходили на улицу. Соседи при встрече их сторонились, не приходили в гости (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10. К. 22. Л. 6–7; Оп. 1. К. 22. Л. 3; К. 26. Л. 4). На похоронах запрещалось присутствовать женщинам (особенно беременным) и детям (ПМА, 2008, села Красногорское, Турачак).

На поведение человека значительное влияние оказывали старшие родственники и социум в целом, что во многом снижало распространенность социальных болезней. Один из организаторов миссионерского дела на Алтае В.И. Вербицкий [1993, с. 101] отмечал, что среди коренного населения предгорий Северного Алтая было распространено курение табака и пьянство; что они были нечистоплотны, склонны к отчаянию и самоубийству. Но эти описания не вполне соответствовали реальности. Распространенность суицидов среди аборигенного населения предгорий Северного Алтая была явно преувеличена. Метрические книги (с 1880-х по 1910-е гг.) практически не содержат сведений подобного рода. Нами обнаружено лишь по одному «застрелившемуся» и «удавившемуся». Традиционная культура жизнеобеспечения формировала установки на сохранение жизни и психологическое здоровье. В одном из документов Русского географического общества за 1910 г. отмечалось, что среди автохтонного населения нет «сумасшедших, юродивых, порченных и кликуш» (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

Процесс алкоголизации аборигенов также спорен. Из отчетов Алтайской духовной миссии может сложиться представление о большой распространенности пьянства среди аборигенного населения. Однако необходимо учитывать, что миссионеры посещали инородческие айлы редко (в среднем раз в год) и задерживались в них на пару дней.

Традиционно автохтоны потребляли слабоалкогольные напитки в праздники, во время встреч с родственниками, при проведении обрядов, и это регулировалось старшим поколением (ПМА,

2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). П.В. Бутягин в своем исследовании [1905, с. 1283–1291] обосновал относительную безвредность для организма человека араки, которой «для опьянения необходимо выпить до 4 бутылок». Злоупотребляли алкоголем преимущественно представители маргинальной части коренного населения.

Жители первых миссионерских поселений, крестившиеся из-за бедности или вследствие изгнания из общины и проч., в наибольшей степени были подвержены негативному воздействию «новой жизни», хотя их интеграция в русскую крестьянскую культуру сопровождалась множеством положительных заимствований, в том числе в области демографического поведения. В числе прочего стоит отметить распространение миссионерами санитарно-гигиенических знаний и оспопрививание.

В то же время даже среди новокрещенов сохранялось влияние шаманов и народных знахарей, выступавших хранителями традиций народной медицины. За десятилетия деятельности миссии их количество, видимо, существенно не сократилось. Миссионер Созопского отделения, состоявшего из 26 населенных пунктов, в 1907 г. отмечал, что на подотчетной ему территории проживало 11 камов (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 120. Л. 6).

Медицинская помощь со стороны миссионеров была эпизодической, она оказывалась лишь во время ежегодного объезда населенных пунктов для исполнения треб паствы. На территории Горного Алтая и его предгорий имелись только больницы в г. Бийске и с. Улала. Крещеные и язычники обращались в миссию за лекарствами, везли детей для оспопрививания (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.). Сотрудники миссии снабжали население гомеопатическими средствами, лекарственными растениями, распространяли медицинские и санитарно-гигиенические знания (ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.).

В 1920–1940-е гг. происходят заметные изменения, нивелировавшие иррациональные представления о болезни и смерти и способствовавшие распространению в последующие десятилетия практик здоровьесбережения. Реальностью аборигенных поселений Северного Алтая стали общественные и индивидуальные бани, больницы и фельдшерские пункты (ПМА, 2007, с. Солтон; 2008, села Красногорское, Турачак). Получили распространение предметы личной гигиены. Например, у челканцев, кумандинцев и тубаларов появились ванночки (*тозьяк*) для купания детей, на которые переносились ир-

рациональные запреты: класть в ванночку какие-либо вещи, иначе ребенок мог заболеть, воду после купания новорожденного выливали за ограду (МАЭ АлтГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2). И все же рациональные знания постепенно вытесняли иррациональные традиции, чему способствовало расширение сети медицинских учреждений в регионе.

Как в прошлом, так и в настоящее время человек ориентирован на сохранение собственной жизни и здоровья. Если сейчас самосохранительное поведение включает в себя спорт, медицинскую диагностику и воздержание от вредных привычек конкретным человеком, то в рамках традиционного общества требовалось четкое соблюдение обычаев и обрядов, от чего зависело не только здоровье индивида, но и благополучие общины в целом. Ритуалы были наполнены в большей степени иррациональной составляющей, нивелирование которой началось с распространением санитарно-гигиенических знаний и укреплением доверия к медицинским работникам. Рационализация и модернизация жизненных стандартов автохтонного населения оборачивалась трансформацией демографического поведения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

- Бельгибаев Е.А.** Традиционные религиозно-мифологические представления северных алтайцев об окружающем мире // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. – Барнаул: АзБука, 2005. – С. 39–46.
- Бутягин П.В.** Арака – национальный напиток некоторых сибирских инородцев // Вестн. гигиены. – 1905. – С. 1283–1291.
- Вербицкий В.И.** Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. – 268 с.
- Гельмерсен Г.** Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. – СПб., 1840. – Ч. 1, кн. 1/2. – С. 40–61, 238–261, 420–446.
- Потанов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – 319 с.
- Сатлаев Ф.А.** Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. – 199 с.
- Славнин В.Д.** Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 132–146.
- Хильден К.** О шаманизме на Алтае, в частности среди татар-лебединцев // Челканцы в исследованиях и ма-

териалах XX века (Алтайстические исследования). – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2000. – Т. 3. – С. 74–113.

References

Bel'gibaev E.A. Traditsionnye religiozno-mifologicheskie predstavleniya severnykh altaitsev ob okruzhayushchem mire. In *Sibir', Tsentral'naya Aziya i Dal'nii Vostok: vzaimodeistvie narodov i kul'tur*. Barnaul: AzBuka, 2005, pp. 39–46 (in Russ.).

Butyagin P.V. Araka – natsional'nyi napitok nekotorykh sibirskikh inorodtsev. *Vestnik gigieny*, 1905, pp. 1283–1291 (in Russ.).

Gel'mersen G. Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya. *Gornyi zhurnal*. St. Petersburg, 1840, pt. 1, vol. 1–2, pp. 40–61, 238–261, 420–446 (in Russ.).

Khil'den K. O shamanizme na Altae, v chastnosti sredi tatar-lebedintsev. In *Chelkantsy v issledovaniyakh i materialakh XX veka (Altaisticheskie issledovaniya)*. Moscow: IAE RAS Publ., 2000, vol. 3, pp. 74–113 (in Russ.).

Potapov L.P. Altaiskii shamanizm. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-nie, 1991, 319 p. (in Russ.).

Satlaev F.A. Kumandintsy (Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX v.). Gorno-Altaysk: Altaiskoye knizhnoye izdatelstvo, 1974, 199 p. (in Russ.).

Slavnin V.D. Pogrebal'nyi obryad kumandintsev. In *Obryady narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1990, pp. 132–146 (in Russ.).

Verbitskii V.I. Altaiskie inorodtsy. Gorno-Altaysk: Ak-Chechek, 1993, 268 p. (in Russ.).